

«Золушка»

1947 год

Через какое-то время началась подготовка к съемкам «Золушки». Режиссерами были утверждены Надежда Кошеверова и Михаил Шапиро. Художником — Николай Акимов.

Пробы должны были начаться недели через две. Я обратилась к Кошеверовой с просьбой позволить мне перед пробой отдохнуть и немного поправиться, чтобы не выглядеть на экране слишком тощей. К моменту отъезда в дом отдыха мне сшили костюмы. Я попросила сшить мне еще и шапочку, которую нашла в одной книжке сказок, но режиссеры от шапочки отказались: «У Акимова в эскизах к "Золушке" никакой шапочки нет, значит, она не нужна». Но я человек упрямый и решила за свою шапочку бороться. Я зашла в мастерскую, где шились наши костюмы, и попросила сшить мне эту симпатичную шапочку К моему радостному изумлению, на следующий день она уже была готова. Я поблагодарила милых мастериц и поехала отдыхать.

Но на следующее же утро в дом отдыха за мной приехала машина. На студии я с удивлением узнала, что через час у меня проба. Как?! Почему?!

— Надя, — обратилась я к Кошеверовой, — вы же разрешили мне отдохнуть две недели и сами говорили, что мне надо немного поправиться. Что произошло?

— Просто внезапно изменились планы. Понадобилось срочно снимать актерские пробы.

Формально считалось, что я в отпуске, а на деле меня каждый день возили сниматься. Но ведь ночевать я могла бы и дома.

Через несколько дней я заметила, что Золушкино платье стало длиннее. Увидев мое недоумение, костюмерша сказала:

После вашей пробы, когда вы уезжаете, приводят другую Золушку. Она балерина, очень молоденькая и выше вас.

Как же так? Почему мне ничего не сказали? Почему это делается за моей спиной? Я ведь и сама понимаю, что мне не шестнадцать лет, что я больше чем в два раза старше Золушки. Я тоже сомневаюсь, что смогу ее сыграть, — я и Шварцу об этом говорила. Зачем же делать из меня дурочку и снимать эту молоденькую балерину втайне от меня? Я обиделась.

Выходя из студии, я встретила художницу по костюмам, которая обратилась ко мне, хотя мы даже не были знакомы:

— Я слышала, что вы будете сниматься в роли Золушки. Неужели это правда?

— Да, — мрачно ответила я.

— Ну какая же вы Золушка? Откажитесь от этой роли, пока не поздно.

Я поблагодарила ее за «добрый совет» и, злая на весь мир, пошла домой, вместо Того чтобы ехать «отдыхать».

Звоню Шварцу, пересказываю ему разговор с художницей по костюмам. Шварц рассмеялся, а потом говорит: «Наша советская Золушка будет такая, как вы. Непохожая ни на одну другую. И это отлично!»

Пробы закончились. И мой «отпуск» тоже. На студии идет худсовет, где решается моя судьба. Я нервничаю ужасно! Хожу по квартире, как тигр в клетке. Худсовет идет при закрытых дверях, но и двери имеют уши. Кто-то мне позвонил и сообщил, что против меня директор и худрук, воздержавшиеся — мои режиссеры. Остальные — за. А Шварц вроде бы сказал так: «В Советском Союзе есть много молоденьких и хорошеньких девушек. Но Жеймо у нас одна. Вот почему я люблю писать для нее сценарии». Но возможно, он этого и не говорил.

Пробы повезли в Москву, на «Большой Худсовет». Там моя кандидатура была принята единогласно. Когда режиссеры «Золушки» вернулись из Москвы, я по их лицам поняла, что они не очень-то счастливы: видимо, им все же хотелось снимать молоденькую балерину. Настроение режиссеров передалось администратору и директору картины: они делали все, чтобы я наконец взбунтовалась и отказалась от роли. Но я упорно продолжала работать и реагировала на все молча, без скандалов и претензий. Тем более что оператор Женя Шапиро, коллеги-артисты и весь обслуживающий персонал относились ко мне идеально, спасая меня от уныния и давая силу для работы. Вот так непросто шла моя работа над Золушкой.

В связи с этим мне вспоминается празднование нового, 1946 года. Мы встречали его у режиссера Георгия Васильева и его очаровательной жены Леночки. Среди гостей был и Михаил Зощенко. Уже под утро, когда все говорят и никто никого не слушает, Зощенко вдруг обратился ко мне:

—Хотите, Янина, я вам погадаю?

—Хочу, и даже очень.

—А вы верите в гадание?

—Если оно предсказывает что-нибудь хорошее, тогда верю.

—Вот и отлично. Попросим у хозяйки дома карты и пойдем в другую комнату.

Леночка тут же разыскала карты, и мы скрылись.

—Кто научил вас гадать? — спросила я Зощенко, пока он тасовал карты.

—Я даже и не знаю, учил ли меня кто-нибудь. По-моему, гадать может каждый, у кого развита интуиция. Я слышал, вы тоже умеете — и даже сказали одному полковнику, что он обязательно найдет свою семью, которую считает погибшей. Кончилась война, и он действительно нашел своих.

—Да, был такой случай.

—Вот видите. А сейчас мы с вами узнаем, что вас ждет в этом году. — И, разложив карты, Зощенко начал говорить:

—Очень многие не верят в ваш успех в новой картине, и это мешает вам работать. Правда?

—Истинная правда.

—Не слушайте их. Вас ждет победа. Вы довольны моим гаданием?

—О-очень!

—Когда мы с вами встретимся в следующий раз, вы мне скажете, правильно ли я вам нагадал. Договорились?

Мы оба и не подозревали, что видимся в последний раз. Все, что мне осталось от Михаила Зощенко, — это его книга с автографом, которую он преподнес мне на день рождения в 1936 году. А сейчас, спустя много лет, у меня нет и ее. Думаю, кто-то из любителей собирать библиотеку из чужих книг даже не представляет себе, как мне дорога была эта книга с автографом Зощенко.

Но его гадание оказалось правильным: когда картина вышла на экраны, зрители приняли ее на ура, мои отношения с коллегами наладились, и все мы опять стали друзьями.

Как я уже говорила, Евгений Львович Шварц с самого начала был на моей стороне, а меня его сценарий просто очаровал: как он талантлив, сколько в нем юмора! Но, прочитав его, я все-таки задумалась над сценой, которая, на мой взгляд, для образа Золушки была одной из основных: во имя чего Золушка надевает туфельку Анне, зная, что тем самым навсегда отказывается от своего счастья? Когда я спросила об этом Шварца, он ответил:

—Просто Золушка очень добрая. За это зритель и будет ее любить. Философия здесь, как, впрочем, и в других сказках, простая: зло наказано, а справедливость торжествует. Детям это всегда нравится.

—Только не нашим детям, — возразила я. — Им этого мало. Мы только что пережили страшную войну, и наши дети будут равнодушны к такой Золушке. Им будет непонятно, почему Золушка, когда ее бьют по одной щеке, безропотно подставляет другую. Почему она не борется? Не протестует? Такой Золушке зритель не будет сочувствовать, а значит, не будет ее и любить.

Еще работая над фильмами «Разбудите Леночку» и «Леночка и виноград», мы со Шварцем, если меня что-то не устраивало в сценарии, немедленно начинали дискуссию. Но бывало и так, что у меня не хватало аргументов: я твердо знала, что какая-либо сцена на экране не будет смешной, а объяснить почему — не могла. В таких случаях Шварц предлагал мне сыграть эту сцену по-своему и потом довольно часто говорил: «Сдаюсь! Победили!» Но сейчас у меня не было своих вариантов: я не знала, ни что сказать, ни как при этом сыграть. Не могла придумать, во имя чего Золушка может отказаться от своей любви. И все же настаивала на том, что нужно что-то изменить. Внимательно выслушав меня, Шварц сказал:

—Я подумаю.

Однако по его лицу я видела, что он убежден в своей правоте и все останется как есть. Но, по-моему, актерская работа в том и состоит, чтобы все делать сознательно: я не умею работать над ролью, если внутренне с чем-то не согласна. Мне нужно все психологически обосновать, а не бессмысленно повторять то, что написано в сценарии. Автор тоже может ошибаться, как и все смертные.

К/ф «Золушка» А. Консовский (Принц), Я. Жеймо (Золушка)

Воспользовавшись подготовительным периодом, когда режиссеры разрабатывают постановочный проект фильма, я стала работать над своим актерским сценарием: писала его со всеми психологическими подтекстами — не только то, что я должна думать и чувствовать в той или иной сцене, но и то, как можно пластически выразить свое состояние. Это мне всегда помогало на съемке.

Я начала с того, что отправилась в библиотеку, где провела много часов и дней и пересмотрела уйму сказок с изумительными иллюстрациями. У разных наро-

дов Золушки были разные. Одна даже с кочергой. Но на мой главный вопрос — почему Золушка так безропотно жертвует самым главным в своей жизни — ответа я так и не нашла.

Нельзя начинать работу, не влюбившись в свою героиню, а для меня Золушка, как ни обидно, безоговорочно любимой пока не стала.

Начались съемки, а сцена с туфелькой в моем сценарии не написана. Я то и дело называю Шварцу, не даю ему спокойно спать, но он стоит на своем. И вот наступил канун страшного для меня дня: завтра будем снимать сцену с туфелькой. Я опять звоню Шварцу:

—Ну как?

—Янина Болеславовна, — услышала я спокойный, как всегда, голос Шварца, — завтра вы сами убедитесь, что я прав.

На репетиции перед съемкой я честно произношу написанный в сценарии текст, а в душе у меня все клоочет. В душе я ругаю свою героиню, называя ее «шляпой».

Но вот раздается команда Кошеверовой:

—Приготовились!

У меня в голове лихорадочно бьется мысль: «Сейчас или никогда!» Моя основная партнерша в этой сцене — Мачеха. Невероятная, изумительная актриса — Фаина Георгиевна Раневская. Попробую ее спровоцировать. Весь расчет на ее талант, интуицию и находчивость.

—Камера!

И вот Мачеха приказывает Золушке надеть туфельку. А я (Золушка) отрицательно качаю головой. Тогда Мачеха начинает льстить мне, говоря: «Золушка, у тебя золотые ручки. Надень туфельку Анне», — я опять качаю головой. Рассердившись, что я смею ей перечить, Мачеха грозно приказывает: «Золушка, надень туфельку!»

По сценарию Золушка, испугавшись, произносит: «Хорошо, матушка, я попробую». Но вместо этой фразы я неожиданно говорю: «Ни за что!»

К/Ф «Золушка» Ф. Раневская (Мачеха). Я. Жеймо (Золушка)

Раневская, которая идеально вошла в образ, настолько возмутилась моей наглостью, что от ярости буквально завизжала: «Если ты сейчас же не наденешь туфельку Анне, то я... я... выгоню из дома твоего отца!»

Вот она, мотивировка, чтобы надеть туфельку Анне! Золушка делает это ради отца! «Нет-нет, матушка!

Прошу вас!» — вскрикиваю я, а потом покорно, как ягненок, подхожу к Анне и без труда надеваю на ее ногу туфельку.

— Стоп! — раздается голос Кошеверовой.

В наступившей гробовой тишине мы услышали четкие шаги, гулко раздававшиеся в павильоне: из его глубины к нам шел Шварц.

Подойдя к Мачехе, он неожиданно произнес:

—Фаина Георгиевна, вы забыли добавить: «И сгною его под забором».

—Прости меня, дорогой, — проговорила Фаина Георгиевна, — я чувствую, что говорю что-то не то, а вот что надо сказать, никак не могу вспомнить.

Как мне хотелось броситься на шею Раневской и целовать, целовать, целовать ее! Какая же она умница! Как феноменально талантлива! Как гениально она провела эту неожиданную для нее сцену!

Шварц посмотрел на меня. Наверное, мы оба выглядели как напроказившие школьники.

В эту минуту я уже обожала свою героиню. Мне хотелось расцеловать не только Раневскую, но и Шварца — и вообще весь мир!

К/ф «Золушка». Э. Гарин (Король). Я. Жеймо «Золушка»

ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

В сценарии Шварца есть сцена: Золушка сидит на кухне, из корзины с углем для очага показывается черная кошка, Золушка берет ее на руки, подходит к бадье, полной мыльной пены, окунает туда кошку и тут же вынимает ее, но уже абсолютно белую. Это превращение происходит мгновенно, как может происходить только в сказке.

Сцену сняли. Она получилась очень забавной и эффектной. Но в картину не вошла. Режиссеры так и не смогли объяснить мне почему.

Или другая сцена: Золушка танцует на кухне. На ней деревянные сабо, а пол выложен камнем. Когда она движется, слышно, как стучат сабо. Я предложила режиссерам на каждый звук от их стука накладывать еще один такой же в виде эхо. Я даже пригласила знакомого чечеточника, с которым мы отрепетировали мой танец с его чечеткой. Потом позвали режиссеров, чтобы показать им результат нашей работы. Чечеточник спрятался за ширму. Я танцевала перед ширмой, а он — за ширмой. По-моему, эффект был потрясающий: танец сразу заиграл, стал живым и интересным.

Режиссеры посоветовались, а потом объявили:

—Если бы это была сцена из американского фильма, тогда, конечно, такой танец был бы хорош. Но не в нашей сказке.

—Так я же танцую не чечетку, а обыкновенный танец. Слышится только эхо от стука сабо, — попыталась я убедить их.

Но не убедила. Они были против.

Обидно еще и то, что наша сказка должна была быть цветной. Акимов даже все эскизы делал в цвете. И Большаков с этим согласился. Но режиссеры испугались дополнительных трудностей и отказались от цвета. А сказка от этого только проиграла.

К/ф «Золушка» А. Консовский (Принц), Я. Жеймо (Золушка)